

ПАРАД ЗЕРКАЛ И ОТРАЖЕНИЙ

Повесть

Если зеркало поднять над головой, так, чтоб в нем отразился молодой месяц, то увидишь столько лун, сколько луне дней. Месяц в зеркале точно двоит и, пожалуй, иногда семерит.

В.И. Даль

ПРОЛОГ

Когда они проснулись, начался мир. Сразу, заодно и повсюду. Мир зеркальных отражений. Он пыхтел, пытаясь выбраться к людям, но те не знали ничего и жили, не ощущая того, что этот раздробленный на кусочки мир — туловища, плечи, голени — обретаются где-то за невидимой преградой.

Потом наконец о существовании мира отражений было объявлено, но люди и так уже догадывались, что громкое пыхтение предвещает очередную тишину. Мир отражений разочаровался в людях и ушел в царство животных. Здесь были звуки: мычание, бляенье, писк... Они не мешали воцарению человеческой тишины.

Тишину звали Историей. Она рождалась, когда умирали события, люди и голоса. Оставались только песни, рисунки и записи. Из рисунков и записей составляли книги и с песнями несли их потомкам. Эти последние угадывали в песнях фальшь, но не могли объяснить, как она появилась, поскольку система записи нот обычно оказывалась утраченной. Таким образом, фальшь жила в веках в качестве некоей острой приправы к пресному блюду Истории. К застывшей желатином тишине.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Большую часть времени он спал. Сон держал его в себе и не хотел выпускать. Он и сам уже не так хотел освободиться — предыдущие полупробуждения многому его научили.

Куда я проснусь? — спрашивал он себя во сне. И не отвечал себе. Он не жил, он был ближе к смерти, чем к жизни, но в смерти этой видел сны. Если в смерти видеть сны, не предпочтительней ли она жизни? Вы говорите нет? А мы бы не были так уверены...

Перед полупробуждениями ему снился Повар Погоды. Весь в белом тумане, с румяной ослепительной улыбкой. Он заказывал Повару Погоды — нет, не погоду, это было бы бессмысленно, — а климат. И потом проникался этим климатом до дна легких. Пил его — собою. Оставалось только покрутить воображаемые рукоятки настройки — и попасть куда желаешь. Но он никогда никуда не попадал, только обратно в сон.

2

Какой дурацкий сон, подумал он, проснувшись. Что за Повар погоды? А впрочем, романтично...

Погода была явно не из-под руки повара, а самодельная: добавлено слишком много воды, и она сочится из небесной ваты, капает на голову, на плечи, на скамейку...

«Где я?» — стал оглядываться он. Город ответил хлопаньем голубиных крыльев. Город цвета дождя, голуби цвета дождя. «Зачем я здесь? Ах да, я же здесь живу... Но зачем, зачем я здесь живу?»

Вот что-то и вспомнилось. Даже трехэтажный серый дом с парикмахерской вывеской внизу. Первый этаж — парикмахер Геранек, второй — художник

Осуждин, третий — он сам... Но кто он? Чем занимается? Что его интересует, заставляет чаще биться сердце? Не вспомнить. Руки белые, ладони маленькие, мозолей нет. В карманах — ничего. Нет, все же есть что-то. Футляр в виде книжечки. Открывается. Внутри зеркало. Что же в нем видно? Лицо бледное, глаза цвета пасмурного неба, волосы русые, мокрые, влага стекает на щеки, на подбородок, натекла уже и на зеркало. Пора идти.

Когда он поднимался, что-то упало на землю. Записная книжка! Верно, лежала на коленях. Он быстро поднял ее, пока не промокла, сбросил прилипший к черной искусственной коже переплета желтый сердцеобразный листок. Вот удача! Здесь так много имен! Теперь он все вспомнит!

Чуть ли не пританцовывая, он прошагал по мокрой брусчатке до выхода из скверика, пропустил торопливую жукообразную машину, завернул за угол...

Наверное, он не туда завернул. За углом была не улица, даже не переулок, а маленький тупичок между домами. Здесь обнималась влюбленная пара. Мужчина в черном плаще и надвинутом на глаза берете, женщина — простоволосая, закинувшая в экстазе голову так, что только золотой ручеек волос разливался...

Он не почувствовал укола в сердце, зависти не было, и он с грустью отметил это. Но все же он инстинктивно отпрянул, вернулся за угол. Да, любовь — несмотря на дождь, на странное место, на подступающую осень, — любовь до самозабвения. Как эта девушка откинула голову!

И все же что-то смутно беспокоило его. Что-то здесь было не так — в той картине, что ему предстала, один штришок, но фальшивый, все портящий, — как одна фальшивая нота порой портит виртуозно сыгранную пьесу. Могла ли девушка ТАК откинуть голову? Возможно ли это вообще?

Он почти бегом вернулся к углу, от которого успел отойти, завернул... Картинка была уже другая. Вме-

сто любящей пары — девушка на асфальте, лежит навзничь, и у нее перерезано горло. Кровь течет, смешивается с дождем. Только дождь и мертвая девушка. Больше ничего.

Картинка, показанная ему, называлась не «любовь», а «убийство».

3

Но не хватало чего-то на этой картинке. Не хватало убийцы. Куда он мог деваться?

Тупичок образовывали две глухие серые стены — боковые стены старых потрескавшихся домов — и задний фасад еще одного, грязно-зеленого дома. Там есть... Нет, двери нет, но есть окно полуподвала. Закрытое ставнями... Не закрытое, только прикрытое. Тяжелые коричневые ставни послушно пропустили его внутрь.

Здесь комната, нежилая. Напротив окна дубовый ларь, на нем подсвечник без свечи и — при полуживом сиреневатом свете пасмурного дня он ясно это увидел — окровавленный нож.

Значит, был здесь убийца! Надо идти за ним. Он не думал, зачем надо идти — поймать ли, просто ли разглядеть его: интересно же, какие они, убийцы, что отражается в зеркалах их глаз...

Он открыл дверь и попал в полутемный полусонный коридор. Где-то далеко горела лампочка. Он пошел туда. Коридоры разветвлялись. Пахло лавандой, духотой, человеческим жильем. Вот коридор уперся в массивную дубовую дверь. Он распахнул ее — и...

И вошло Солнце. Нестерпимое золотое сияние. Он еле успел отскочить к стене. Солнце прошло мимо, сияние истекло, глаза перестали болеть, но он был почти ослеплен.

Ощупью он вошел в комнату. Вроде бы никого.
— Здравствуй, — услышал он.

Вздрыгнув, он стал осматриваться. В самой середине поля его зрения плыло золотое пятно. Но ведь в комнате никого нет! Стол, кресло, сервант с пыльной посудой...

— Я спряталась, — сказал голос, детский голос. — Я за креслом. — Девочка в красном платьице, светленькая, смешливая. — Ты, наверное, дяденьку ищешь?

— Да, — отозвался он.

— Тогда тебе туда, — сказала девочка со вздохом. — Он играть с тобой хочет. У него такая большая черная штука, которыми в войну играют.

Только сейчас он заметил, что в комнате четыре двери, так что подсказка оказалась нелишней.

— Тебя как зовут?

— Не знаю, может быть, и никак... — грустно сказала девочка. — Ты на папу моего похож. Но ты не мой папа.

— Ты здесь одна? — спросил он, хотя можно было и не спрашивать.

— Я всегда одна, — ответила девочка. — Хочешь, забери меня.

Он взял ее за руку — маленькая же у нее ладошка и какая холодная!

За дверью был коридор с книжными шкафами.

— Ты любишь книжки читать? — спросил он девочку и подумал, что сам не помнит ни одной прочитанной книги.

Читал ли он вообще?

Девочка не ответила — может быть, потому, что в конце коридора появился черный силуэт.

— Вот он, твой дяденька, — сказала девочка. — Ты прячься, а он будет стрелять.

Надо успеть — быстро-быстро прикрыть девочку собой. Вот он уже падает на пол. Грохот выстрела, пуля обжигает ему бедро. Резкая боль.

Человек в черном ждет, не поднимется ли он, потом убегает. Выстрелов больше не последовало.

А девочка? Где она? Ее нет, он прикрывал телом пустоту. Но может быть, девочка эта спасла ему жизнь.

Кровь течет, и он один. Он и дом. Дубовые панели скрипят, кровь течет, тишина закладывает уши.

Он оторвал тесьму, подшитую внизу к брючинам, связал оба куска вместе, туго стянул раненое бедро. Ничего, задело по касательной, скоро заживет.

Он с трудом поднялся и, держась за стены, побрел по коридору вперед. Да, вперед, а не назад — одна мысль, что придется пройти мимо убитой девушки... За что ее так жестоко? Он хочет пожалеть ее, но что такое жалость? Как это бывает, когда кого-то жалеешь?

Коридор сужался. За очередной дверью стены были уже не обшиты дубом, а выкрашены ядовито зеленой масляной краской, кое-где уже облупившейся. Пахло сыростью и мерзостью — наверное, испортившимся казеиновым клеем.

Следующая дверь — железная — тоже не была заперта. Он толкнул ее — и оказался в какой-то приемной. На клеенчатых стульях с жестяными бирками сидели безмолвные люди: женщины в пуховых платках, пенсионеры в старинных драповых пальто, пара стриженных молодых людей в черной коже. Он вошел — и все взоры обратились к нему. Он растерялся, застыл на месте. Но тут распахнулась другая дверь, и оттуда повалил очумелый народ. Кто-то из вошедших причитал:

— Оправдали! Убийцу оправдали! Езус-Мария!

Другой строго его поправил:

— Не оправдали, пан Лешек, а дали два года условно.

— Ах, это одно и то же, — безутешно сказал женский голос.

— Шукайте милошчи, — издевался кто-то.

Он не видел ни одного из говоривших. Теперь на него никто не смотрел, и он нашел выход. Вот коридор, лестница, входная дверь. На улице он оглянулся. На красной табличке у двери грязно-золотыми буквами было написано: «НАРОДНЫЙ СУД».

«Странное же зрелище, наверное, представляет собой этот хромо́й субъект с окровавленной и перетянутой тесьмо́ю штаниной», — подумал он о себе, когда без сил опустился на мокрую скамейку в палисаднике неподалеку от выхода.

Куда идти? Где он живет? Как выглядит дом, он помнил, но где его искать? Тем более сейчас, когда нога горит огнем и нет сил не только идти, но даже встать...

Он забылся — то ли от боли, то ли от усталости. Очнувшись он определенно от боли: кто-то тряс его за плечо, и нога отзывалась ослепительной молнией в глазах от каждого движения.

— Перестаньте, — слабо проговорил он.

— Ага, живой. — В лицо ему ударила струя перега-ра. — Я-то думал, помер... А что у тебя с ногой?

— Кто вы? — услышал он собственный шепот.

— Только не говори мне, что не узнаешь Пинхуса... Слушай, может, тебя в больницу?

— Нет, — сказал он. — Само заживет.

— Ну, тогда повезу домой. Ты все там же?

— Угу, — отозвался он. — Как меня зовут?

— А? — изумился Пинхус, тащивший раненого на спине, и даже остановился на минуту, прислонив его к дереву у самой мостовой. — У тебя что, память отшибло?

— Отшибло.

— Звать тебя Феликс. Феликс Кангар. Неужто не помнишь?

— Припоминаю, — последовал ответ, потому что нужен был какой-то ответ.

Они поволочились дальше.

— А что у тебя все-таки с ногой? — спросил Пинхус, когда старенький «фольксваген» — бежевого цвета «жук» — повез их по покорно растворявшемуся в дожде городу.

— Гвоздем разодрал.

— Ой ли? — хитро усмехнулся Пинхус и стал утешать его: — Я пьяным из окна выпал и то уцелел. В Кракове, я туда за товаром езжу.

— Вы за дорогой смотрите, — озабоченно сказал Феликс.

Только сейчас он рассмотрел эту небритую разбойничью физиономию, обросшую черным волосом шею. Здоровяк. Но как он садится за руль в таком состоянии?

Машина действительно несколько петляла, но все же двигалась к цели. Вот уже перед ними тот самый дом — почему-то знакомый дом, вот вывеска парикмахера. Из окна парикмахерской на них смотрела лысая старуха.

Его взметнули по лестнице на третий этаж. Пинхус залез к нему в карман и нашарил ключи. Квартира оказалась пустой. Почему он помнит, как выглядит дом, но совершенно не представляет себе, что внутри?

Пинхус расстелил простыню, помог лечь, пообещал вскоре прислать врача — как он сказал, «надежного врача». Надо было понимать, который не выдаст. Когда Феликс хотел сказать слова благодарности, в квартире уже никого не было.

7

Приходил врач, что-то делал с его ногой, отчего было больно.

— Повязку не снимайте, молодой человек, — сказал врач. — Завтра я еще приду.

«Молодой человек...» Я разве молод? Феликс лежал в полузабытьи и пытался вспомнить хоть что-то о себе. Белый ромб смотрел на него с коврика грустно и понимающе. Тоже, наверное, ничего не знает ни о себе, ни о своем происхождении.

Фотографий на стенах не было. И вообще нигде не было. Тогда он стал рассматривать книги — фотографии бытия, оттиски мыслей. Что здесь? «Закат Европы» Шпенглера, томик Збигнева Херберта по-польски, справочник по статистике, Минск, издательство «Вышэйшая школа», альбом «Дзяржаўны мастацкі музей БССР»... Что говорят ему эти названия? Да и кто

же он сам? Поляк? Белорус? Русский? Никто? В памяти ничего, в документах... А есть ли у него документы? Надо поискать в доме...

Обнаружился профсоюзный билет (профсоюз медработников, наклеены марки «уплачено»), паспорта нигде не было. Фото на профсоюзном билете маленькое. Да, это он. Но почему в очках?

Феликс подошел к окну. Где-то далеко он высмотрел транспарант на помпезном доме сталинской выпечки и, хотя и с усилием, разобрал: «НАША СЛАВА — ПАР». Как верно, подумал он, но затем понял, что это не всё, за трубой прячутся еще буквы. Угадав, какие именно это были буквы, он поморщился, однако тут же вспомнил, для чего подходил к окну. И так, зрение у него отменное, он одинаково хорошо видит и вблизи, и вдали, очки ему не нужны. Зачем же он носил их раньше?

8

В «Бутербродной» на углу улицы Врублевского встречались двое — солидный полный седоусый мужчина в светлом иностранном плаще и нагловатый чернявый молодой человек неопределенной наружности. Они только что заказали себе по порции пельменей, взяли со стойки по паре бутербродов с сыром и налили себе по стакану чая из огромного металлического котла, обжигая пальцы о горячий вентиль. Чай остывал, пельмени должны были воспоследовать.

— Ну? — спросил пожилой и расстегнул плащ, явив миру значок с Лениным на лацкане пиджака.

— Да, — хмуро отозвался молодой человек, при этом почему-то посмотрев на свои руки.

— Вас кто-нибудь видел?

— Видел, но, по-моему, это был призрак.

— Что?! — неожиданно громко проговорил пожилой, и немногочисленные посетители стали на них смотреть.